

ТРИЛОГИЯ IV • «ОБЫКНОВЕННОЕ ВАРВАРСТВО»

КНИГА 11

# ЭШЕЛОН СМЕРТИ

# Генрих Баба

## Книга 11. Эшелон Смерти

<https://litres.ru/74672804>

SelfPub; 2026

### Аннотация

#### Книга 11

Эшелон Смерти не сбавляет скорости даже для собственных жертв.

Бронедрезина 01 идёт вслед за «Эшеленом Смерти» по путям, которые Ольга «Конвой» Железникова зачищает на ходу, не сбавляя скорости ради формуляров и следствия. На каждом полустанке — вмёрзшие в снег тела путейцев и охраны, разбитые терминалы связи, иней на лицах, которые никто уже не закроет. Лиза считает погибших. Сыщик считает километры.

У Анны вместо глаз — слух, обострённый до предела и способный различить одинокую искру среди метели. У Сыщика — одиннадцать глав рукописи, которые звучат в его голове точнее любой навигационной карты. Сорок километров разделяют их и локомотив Железниковой. Чтобы остановить эшелон, придётся сначала догнать его — а потом взять на абордаж.

# Содержание

|                                                    |    |
|----------------------------------------------------|----|
| Книга 11. Эшелон Смерти                            | 4  |
| Глава 2. Глаза Анны Рейн                           | 9  |
| Глава 3. Стрелка на Бокситы (5-й километр)         | 13 |
| Глава 4. Синдром фантомного чтения (10-й километр) | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                  | 21 |

# **Генрих Али Баба**

## **Книга 11. Эшелон Смерти**

### **Книга 11. Эшелон Смерти**

#### **Глава 1. Нулевой километр.**

#### **Обломки «Тишины»**

Дизель бронедрезины №01, яростно набирая обороты, выплевывал в свинцовое морозное небо густые струи черного, мгновенно застывающего на лету мазутного дыма. Тяжелый металлический корпус содрогался от натуги: обледеневшие колесные пары со скрежетом срывали толстые наросты наледи со старых, заброшенных рельсов.

Сыщик стоял у узкой смотровой щели, плотно прижавшись лбом к ледяной броне. Сзади, далеко на горизонте, небо все еще полыхало грязно-багровым заревом; он не видел его глазами, но отчетливо чувствовал лопатками сквозь холодный металл. Подземной «Тишины» больше не существовало. Как не существовало и Дианы: её безумный, рафинированный триумф теперь окончательно остывал в темных расщелинах взорванного изолятора. Но эта тяжелая победа пахла гарью, соляжкой, сгоревшим пластиком и запекшейся человеческой кровью.

— Курс — сороковой километр, — не оборачиваясь, хрипло произнес Сыщик. Его пальцы в протертых тактических перчатках едва слушались. — Нам нужно набрать максимальный ход до того, как смазка в буксах окончательно превратится в камень.

В углу тесной рубки, на узком железном рундуке, сидела Анна Рейн. Её бледное лицо, наполовину скрытое плотным шерстяным шарфом, казалось белым, как окружающая их мертвая тундра за броней. Глаза были плотно закрыты, а из-под наспех наложенной Лизой грубой марлевой повязки проступала тонкая, влажная бурая полоса. Она хранила молчание, но её тонкие пальцы судорожно сжимали холодный металлический поручень, улавливая каждой косточкой каждую микровибрацию разгоняющейся машины.

Лиза у разбитой приборной панели суетливо возилась с туго ходящими манометрами, а её дыхание вырывалось из груди густыми клубами горячего пара.

— Давление масла растёт, но вся автоматика безнадежно сбоит! — бросила она через плечо, вытирая тыльной стороной ладони испачканный мазутом лоб.

Сыщик медленно закрыл глаза. Физическая реальность полярных сумерек внезапно начала двоиться. В правом полушарии его выжженного мозга, точно зловещая неоновая вывеска в абсолютной пустоте, ярко развернулась Глава 1 романа «Обыкновенное варварство». Едкие строчки Юраса Ниценова поплыли перед внутренним взором, накладыва-

ясь на мерный, отчаянный стук колес:

*«Историческая вина не смывается дешевым покаянием, она смывается только полным, безжалостным демонтажем старого сознания...»*

— Первая глава пошла, — тихо прошептал Сыщик, физически чувствуя, как ментальный текст начинает заглушать пронзительную боль от застарелого обморожения.

Матрица активировалась. Жесткий перегон начался.

Матрица «Обыкновенного варварства» разворачивалась в сознании Сыщика тугими, светящимися изнутри пластинами текста. Каждое слово Ниццетова, надежно выжженное в его памяти, ложилось поверх физической боли, как плотная, давящая хирургическая повязка. Лютый холод в минусовые двадцать девять градусов, со свистом пробивающийся сквозь микроскопические щели бронелистов, мгновенно перестал быть обычным физическим явлением: Сыщик по-прежнему фиксировал его датчиками кожи, но теперь это была лишь сухая строчка из аннотации к запрещенному роману. Его пальцы, намертво примерзающие к металлу, казались чужими, будто описанными кем-то в третьем лице. Текстовая матрица напрочь блокировала нервные рецепторы, превращая шок от пережитой бойни в ледяную, безупречно расчетливую пустоту.

— Масло стремительно густеет! — Лиза резким, сильным движением до упора крутанула тугой вентиль подачи топлива, и дрезина, глухо взыв, дико дернулась вперед, выбивая

искры. — Если температура упадет еще хотя бы на пару градусов, мы мертво встанем посреди открытого перегона!

Сыщик медленно повернул голову к ней. В его остеклевших глазах, тускло отражавших мертвый свет приборной панели, не было ни страха, ни животной паники — только бесконечные, бездушные столбцы чужого текста.

— Автоматика здесь больше ничего не решает, Лиза, — его голос прозвучал пугающе ровно, почти механически, как зуммер терминала. — Старый мир, который привык слепо полагаться на приборы, остался догорать в подвалах «Тишины». Ницентов прямо писал в первой главе: *«Варварство начинается там, где человек перестает верить стрелке манометра и начинает безоговорочно верить только своей собственной руке на рычаге»*. Держи этот рычаг. Мы пройдем этот перегон исключительно вручную.

Анна на жестком рундуке тревожно шевельнулась. Она не видела ни Лизу, ни самого Сыщика, но её обострившийся до предела слух безошибочно уловил пугающую, холодную перемену в его интонации.

— Ты слишком глубоко впускаешь этот текст в себя, Сыщик, — тихо и предостерегающе произнесла Анна, поворачивая бледное лицо с повязкой на глазах в его сторону. — Помни главное: матрица — это всего лишь инструмент выживания, а не твой новый дом. Если ты окончательно замерзнешь внутри чужой чужой книги, кто тогда выведет нас на сороковом километре?

В этот момент бронедрезина №01 с оглушительным металлическим грохотом влетела в плотную полосу глухого полярного бурана. Видимость за узкой смотровой щелью упала практически до нуля, но Лиза, всем корпусом привалившись к броне, всё же различила впереди в слепой белой мгле очертания первого занесенного снегом путевого столба.

## Глава 2. Глаза Анны Рейн

Бронедрезина №01 уверенно шла по обледенелой ветке «Бор — Терминал», дико содрогаясь всем своим клепаным стальным телом. Для Сыщика и Лизы внешний мир давно сузился до размеров тесной, промерзшей до звона кабины и узкой смотровой щели, за которой яростно бесновался слепой полярный буран. Для Анны Рейн этот мир умер и переродился заново.

Она сидела совершенно неподвижно, откинув затылок на холодный бронелист. Та крошечная тьма, в которую она окончательно погрузилась после мощного взрыва в недрах «Тишины» — вместе с ней навсегда погасли последние уга-сающие фиолетовые линии её некогда яркой синестезии, — теперь не казалась пустой. Она была обитаемой, плотной, пульсирующей и бесконечно агрессивной. Первые километры пути Анна безуспешно пыталась мысленно воссоздать привычные очертания предметов, но память о свете стремительно вымывалась из мозга ледяным, обжигающим воздухом.

Тогда она осознанно перестала сопротивляться и просто открыла свой абсолютный слух.

*«Варварство — это вовсе не отсутствие культуры, это её тотальное упрощение до примитивных, первобытных инстинктов»,* — глухо и беззвучно транслировала в сознание

Сыщика вторая глава упрямой ницентовской матрицы.

Но Анна в этот момент жила далеко вне текстовых матриц. Она жила в чистой, суровой физике звука.

Тесная кабина бронедрезины зазвучала для неё как сложный, многослойный, тревожный оркестр:

**Низкий, утробный гул дизеля** — пульс их общего хрупкого выживания. По его глухой вибрации спиной сквозь жесткую ткань куртки Анна тонко чувствовала, что в третьем цилиндре двигателя уже начинает нарастать опасная детонация.

**Свист ветра в амбразурах** — точный индикатор забортовой скорости и плотности бурана. Этот звук то исходил до пронзительного мышинного писка, то внезапно переходил в тяжелый, глухой удар металлической волны о борт.

**Ритмичный стук колесных пар** — самый важный, ключевой элемент. Короткие, звонкие и жесткие удары уверенно говорили о чистом рельсе. Вязкие, приглушенные и глухие — о том, что дрезина с трудом режет колесами глубокий снежный перемет.

— Сыщик, — тихо и без паники позвала Анна. Её чистый голос, полностью лишенный прежних зрительных ориентиров, прозвучал непривычно звонко, без малейшей надрывной ноты.

Сыщик, чье лицо застыло в неподвижной каменной маске под тяжелым воздействием ментального щита, медленно повернулся на скрип её кожаной куртки. Его остекленевшие

глаза всё еще продолжали сканировать невидимые строки Ницентова, но суровая реальность уже требовала немедленного ответа.

— Я здесь, Анна.

— Мы идем слишком тяжело и неправильно. Левый борт проседает на стыках рельсов чуть глубже, чем правый. Там либо опасная наледь на буксах, либо... — она на секунду замолчала, прислушиваясь к нарастающему, тонкому, едва различимому человеческому уху скрежету под самым полом кабины. — Либо тормозная колодка до конца не отошла. Она трется о бандаж колеса. От этого со страшной силой греется металл. Если ступицу поведет на таком диком морозе, мы мгновенно сойдем с рельсов.

Лиза, которая в этот момент суетливо проверяла обледеневшие температурные датчики, удивленно вскинула голову и резко перевела испуганный взгляд на тусклую контрольную панель. Приборы упорно молчали — их стрелки намертво замерзли в одном положении. Но, без раздумий доверившись абсолютной точности слов слепой девушки, Лиза зафиксировала страховочный рычаг ремнем, стремительно опустилась на корточки и прижалась ухом к холодному рифленому люку технологического отсека в полу.

Спустя секунду она резко выпрямилась — бледная, с крупными каплями холодного пота, которые мгновенно превращались в белый иней на её висках.

— Она абсолютно права. Левая колесная пара... тормоз-

ную колодку намертво заклинило льдом из-за резкого перепада температур и конденсата. Приборы сдохли, я бы даже не заметила этого, пока мы на полном ходу не слетели бы с насыпи!

Сыщик тяжело закрыл глаза, на одно мгновение полностью гася мерцающие строки назойливой матрицы. Суровая физическая реальность ворвалась в его сознание резким, жгучим уколом холода в онемевших пальцах.

— Нам ни в коем случае нельзя сбавлять ход, — глухо и жестко произнес он. — Впереди пятый километр и ответвление стрелки на Бокситы. Если мы сейчас потеряем скорость, мы просто намертво замерзнем на этих проклятых путях. Анна, ты сможешь вести нас вслепую, исключительно по звуку? Стать нашими надежными глазами для этой машины?

Анна Рейн медленно подняла дрожащую руку и легко коснулась плотной повязки на лице, словно проверяя, надежно ли заперто её утерянное прошлое. Затем её бледные губы тронула слабая, но абсолютно уверенная улыбка.

— Я прекрасно слышу эту дорогу, Сыщик. Я слышу её гораздо лучше, чем когда-либо в жизни видела. Брось свой тяжелый текст. Просто слушай меня.

В этот самый момент впереди, сквозь яростный вой метели и надсадный скрежет заклинившей тормозной колодки, послышался новый, глубокий, мерный и зловещий гул. До опасной развилки на Бокситы оставалось меньше километра.

## Глава 3. Стрелка на Бокситы (5-й километр)

[Лог\_навигации: Позиция — 05-й километр ветки «Бор — Терминал». Скорость дрезины — падение с 48 до 12 км/ч. Температура забортной среды:  $-29.4^{\circ}\text{C}$ . Тяга дизеля — критическое падение оборотов. Зафиксирован полный отказ путевой автоматики Сектора-RU.]

Ледяной шквал свирепого полярного бурана с силой артиллерийского залпа ударил в лобовой бронелист дрезины №01. Машина глухо и надсадно застонала, резко замедляя свой ход. Вместе с нарастающим свистом ветра в тесную кабину потянуло резким, удушливым запахом перегретого фрикционного материала: левую тормозную колодку, намертво схваченную конденсатным льдом, продолжало с диким скрежетом резать стальным бандажом вращающегося колеса. Металл шел на критический износ.

Сыщик стоял у узкой смотровой амбразуры, но его ослепший наружный интерфейс по-прежнему выдавал лишь серо-багровую пиксельную изморозь. Вся навигация шла изнутри — через раскаленный процессор коры, где в этот момент разворачивалась Глава 3 романа «Обыкновенное варварство».

*«Глава третья, — зазвучало в его подкорке монотонным,*

*выжженным голосом Гражданина Ноль. — Цензура контекста завершается там, где палач пытается заставить тебя сомневаться в реальности твоих собственных игр-мов...»*

— Сыщик! — резкий, чистый голос ослепшей Анны Рейн мгновенно прорезал с рундука ровный гул уставшего дизеля. Она сидела, низко наклонив голову к металлическому полу, жадно ловя малейшие вибрации путей. — Стрелочный перевод прямо по нашему курсу! Пятидесяти метров не осталось. Но я совершенно не слышу глухого щелчка противовеса. Автоматика мертва. Эта стрелка наглухо заперта льдом в положении «в тупик»! Если мы не переведем её вручную прямо сейчас — дрезина на полном ходу сойдет с рельсов!

Лиза резким, отчаянным движением до упора рванула тормозной рычаг, полностью блокируя гидравлический привод. Тяжелую машину с жутким, пронзительным скрежетом понесло юзом по обледенелым рельсам. Бронедрезина замерла всего в трех метрах от глухого, занесенного метровыми сугробами стрелочного поста.

— Мы с Сыщиком на выход! — крикнула Лиза, с силой выбивая засов бокового люка. — Анна, держи ухо к дизелю!

Лютый мороз в минус двадцать девять градусов мгновенно ворвался в рубку, превращая остатки дыхания в колючий, оседающий на броне иней. Сыщик шагнул в ледяной проем следом за Лизой. Ледяной ветер свирепо облепил его израненное лицо, а обломки сломанной ключицы под жестким

корсетом немедленно отозвались острой, пульсирующей серией системных алертов: [Структурный сбой: Нагрузка на сектор С-3 критическая].

Они провалились по самые колена в плотный, сухой заполарный снег. В руках Лизы тускло блестел тяжелый стальной лом. Сыщик, действуя вслепую, ведомый лишь точными слуховыми маркерами Лизы и шагами по шпалам, вплотную подошел к обледенелому механизму стрелочного перевода. Толстые стальные тяги были намертво замурованы в монолитный блок серого гремучего льда.

— Бей прямо по стакану противовеса! — задышавшись от обжигающего легкие ледяного воздуха, крикнула Лиза и нанесла первый сокрушительный удар ломом.

Металл отозвался глухим, мертвым стуком. Лед на тягах даже не треснул.

В этот самый момент в сознании Сыщика шестнадцатеричная матрица выдала фатальную критическую ошибку. Текст Ниценова, который секунду назад служил ему надежным психологическим щитом от холода, внезапно начал агрессивно замещать тактическую реальность. Вместо обледеневшего путевого лома перед его внутренним взором развернулись бесконечные, плывущие столбцы отвлеченных гуманитарных тезисов.

*«...Валевская строит свои гетто исключительно из бумаги и сухих ордеров, но теплая кровь на воротнике — это вам не пиксели... Если ты до сих пор помнишь каждого из*

*тех, кого лично ликвидировал...»*

Сыщик резко замер. Его правая рука, преодолевая невыносимую трещину локтевого отростка, беспомощно опустилась. Ослепшие зрачки застыли, бессмысленно сканируя слеую пустоту метели. Мощный литературный контекст парализовал боевую машину. Ему на мгновение показалось, что он стоит вовсе не на замерзшем полярном полуостанке, а посреди догорающих архивов Верховного Суда, и буквы старой рукописи осыпаются на него тяжелыми хлопьями едкого черного пепла.

— Сыщик, нет! Не смей засыпать в тексте! — из открытого люка дрезины донесся яростный, срывающийся на крик окрик Анны Рейн. Слепая девушка виском высунулась наружу, безупречно ориентируясь на малейший звук их прервавшихся ударов. — Цензура контекста — это хитрая ловушка! Если ты сейчас уйдешь в книгу, Ольга Железникова раздавит нас своим эшеленом! Бей этот лед! Твоя личная вина — это твой главный рычаг!

Голос Анны сработал как мощный частотный фильтр. Багровый галлюцинаторный туман Ницентов в голове Сыщика с сухим треском лопнул. Жесткие шестнадцатеричные регистры мгновенно вернули его в суровую координатную сетку 5-го километра.

Сыщик сделал один решительный шаг вперед. Лево́й рукой, надежно закованной в тяжелый браслет с остатком цепи, он перехватил обледенелый стальной лом прямо поверх

пальцев Лизы.

[Тактический\_расчет: Приложение кинетического усилия. Точка удара — основание шарнира стрелки. Метод: Импульс левой руки с усилением массой цепи «БР-С». Блокировка болевых рецепторов сектора С-3 — Активировано.]

— Уйди, Лиза, — плоско и безэмоционально отчеканил Гражданин Ноль.

Он поднял тяжелый стальной лом одной левой рукой, используя массивные звенья цепи «БР-С» как дополнительный инерционный утяжелитель. С коротким, утробным выдохом Сыщик с размаху обрушил орудие на замерзший шарнир стрелочного механизма.

ХРУСТ.

Каленый металл лома с диким механическим визгом врубился в обледенелый стакан противовеса. Монолитный лед пошел радиальными трещинами, выдав целый веер острых, искрящихся осколков. Вторым ударом Сыщик с мясом вколотил замерзшую стрелочную тягу внутрь паза. Острия стрелки с тяжелым мазутным лязгом сошлись в нужное положение, окончательно открывая прямой путь на Бокситы и далекий сороковой километр.

— Назад в рубку! Быстро! — Лиза схватила Сыщика за обрывок куртки, с силой увлекая за собой к открытому люку.

Его пальцы уже намертво прикипали к холодной броне дрезины, оставляя на металле клочья ткани и нитрила. Они единым рывком ввалились внутрь промерзшей кабины, и

Лиза с размаху захлопнула тяжелый засов люка, наглухо отсекая полярный ад от внутреннего пространства.

[Лог\_системы: Стрелочный перевод успешно пройден. Путь на Бокситы открыт. Текстовая матрица третьей главы переведена в пассивный буфер хранения. Переход к километражу: 06 — 15 км.]

Бронедрезина №01, яростно взревев перегруженным дизелем, сорвалась с места, мощным штыком раскалывая слежавшийся снежный вал. Третья глава матрицы была полностью дочитана, но впереди, сквозь монотонный морозный гул, Анна Рейн уже улавливала новый, чужеродный и устрашающий ритм — тяжелые, гулкие вибрации приближающегося «Эшелона Смерти».

## Глава 4. Синдром фантомного чтения (10-й километр)

[Лог\_системы: Позиция — 10-й километр ветки «Бор — Терминал». Температура забортной среды — падение до  $-31.2^{\circ}\text{C}$ . Визуальный поток — 0%. Оптический шлюз деградирован. Активация сквозного текстового наложения: Главы 4, 5 и 6 матрицы «Обыкновенного варварства». Статус: Опасность циклического замыкания лимбической системы.]

Бронедрезина №01 продолжала свой тяжелый путь сквозь глухие полярные сумерки, словно слепой содрогающийся утюг по бесконечному белому савану мертвой тундры. Внутри тесной кабины температура упала до такой степени, что выдыхаемый людьми горячий пар тут же превращался в ледяную колкую крупу. Она с тихим бумажным шорохом осыпалась на рифленый стальной пол, забиваясь в глубокие пазы технологических люков. Едкая копоть от замерзающего, забивающегося парафином дизеля тянулась из разбитых стыков трансмиссионного вала, смешиваясь со стойким запахом подгоревшей левой колодки. Металл левого борта шел на предельный износ, издавая тонкий, заунывный мышинный писк на каждом крутом стыке рельсов.

Сыщик сидел на промерзшем полу рубки, тяжело привалившись затылком к обледенелому косяку смотровой амбразы.

зуры. Физическое зрение отсутствовало напрочь, но внутренний дисплей его процессора, выжженный в подвалах «Тишины», больше не выдавал пустую серую рябь. Его перегруженный экстремальным холодом, сенсорной депривацией и жестким синдромом отмены кобальтовых нейроблокаторов неокортекс запустил каскадное самозамещение контекста.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.